

Еще более патетичная и яркая картина умиротворенной морской стихии рисуется Сергием в рассказе о перенесении мощей Логгина. Когда поплыли к месту его погребения, «бысть тишина велия в мори, зефиру бо кротко повевающу». А вот как описывает Сергей возвращение в Яренгу с мощами святого: «Сладок бо тогда видети позор: море бо тихостию плещи подвижа, багряными волнами играя, и к суседе земли пририща, и яко мирными руками объемя, ту целует. Они же вседают в ладийцу, окриляют ту ядрилы и теми многотечными ядры корабль воскриляем, от пристанища с песнию на вышшее возводят» (л. 50).

Особый интерес представляет та часть Сергиевой редакции жития, где он говорит о помощи Иоанна и Логгина мореходам, терпящим бедствие в море. В источниках Сергия встречается три рассказа, повествующие о помощи святых мореплавателям. Все это рассказы о конкретных происшествиях. У Сергия же рассказов о каких-либо определенных случаях, когда заступничеством святых были спасены мореходы, нет. Он пишет, что, как «свидетельствуют» мореплаватели, во время бури на Белом море на кораблях появляются Иоанн и Логгин и призывают терпящих бедствие не падать духом. Но эта общая формулировка дает ему повод нарисовать яркую картину бури на море и рассказать о море вообще. Это большой, самостоятельный пассаж, и он столь необычен для житийных произведений, что следует привести его полностью:

«Но и морстии пловцы мнози свидетельствуют. Во время, рече, морскаго возмущения от жестоких ветров, егда море разсверепеся, дивияго зверя образом распахашеся, и волны яко горы сотворив, сурово наскаше и всем потоплением претяше, ничто же надеятися разве смерти, понеже от зелнаго ветреняго дыхания на кубарах ядрила сокрушишася и в мори погрягнуша, и егда в последнем отчаянии всем бывшим, тогда видеша святых на своих кубарах. „Дерзайте, — глаголющих, — невредими пребудете“. Умиленню бо тогда видети позор и плачу достоин, кто бо виде море безчиние творяще. Не весть его, яко раба бежаша: бегающа бо вне и держима внутрь, или многожды разгоревшася студеным разгорением. И безчинными теченми волнами всего себе, яко бесящаяся блудница, к земли прибивается. Ярящися лютится убо и пену точит, много же течения испив быстрины, горкии росол из глубины рыгчет и множеством же пианства мутится, растерзати же заклепы и бежати хошет, востягает же ся и боится, и возвращается, и мокрыя не проходит двери, но во своя си просте востекает, яко рабыня за власы держима. Занеже северское море, рекше полунощное, мелко есть и удобь от ветр мутится, зане из дна е могут возмутити бурнии ветри, яко поддонный песок с волнами размесити. Многими же реками исполняемо, слаждшу воду паче инех морь имать. Им же мало походив солнце по той стране, отъидет и не изменет ей всяя влаги сладкия лучею, радуют же ся сладкому и морския рыбы. Да того ради паче любят Понтийское море, яко стройнее инех морь раждати в нем, бе бо видети, в год той, естеству восходный, аки реку рыбы пловуща суть и Пропонтидою во Ексинопонт пловуща. Тако же, яко добре ся исплодят, вmale повеселившеся и покормившеся в жатвенный год, паки зиме приступающи, возвратятся во своя жилища, во глубинную теплоту и солнечнаго присно сияния, отбегши студености полунощныя, на моря, идеже худе потрясаются ветром. Тамо входят, идеже живут и киты великия зовомни, лежа си подобни суть великим горам, яко видевшим я, поведают. Пребывают же во своих пределех не творяще пакости ни островом, ниже на брезех градовом стоящим. Тако тии, коиждо их род, аки грады или веси или отечества древняя, иже им суть отлучены морския страны, в тех живут. Но о сих убо инде